

М. Лосева

Владислав Ходасевич

16(28).V.1886 – 14.VI.1939

Вся короткая и скудная событиями жизнь сильного духом, но немощного телом, вечно больного поэта воплощена в его прозаических и стихотворных произведениях. Мемуаристы отмечают его язвительность и болезненность, пронизательность и эрудицию.

«Он был человек больной, раздражительный, желчный. Смеялся он редко, но улыбка часто бродила по его лицу, порой ироническая. По существу он не был злым человеком, но злые слова часто срывались с его губ. Он даже порой был сентиментален, даже мог заплакать над происшествием малозначительным. С людьми он умел быть приятным — он, как умный и тонкий человек, понимал, кому что было интересно, и на этом играл, хвалясь, что каждого человека знает насквозь и даже на три аршина вглубь под землю» (А. Ходасевич. Страницы воспоминаний).

Фелициан Иванович, отец поэта, сын польского дворянина, учился в Академии художеств, но карьера художника не состоялась, и он стал фотографом. Жизненный путь отца точно изложен в стихотворении «Дактили»:

1

Был мой отец шестипалым. По ткани, натянутой туго,
Бруни его обучал мягкой кистью водить.
Там, где фиванские сфинксы друг другу в глаза загляделись,
В летнем пальтишке зимой перебегал он Неву.
А на Литву возвратясь, веселый и нищий художник,
Много он там расписал польских и русских церквей.

2

Был мой отец шестипалым. Такими рождаются счастливыцы.
Там, где груши стоят подле зеленой межи,
Там, где Вилия в Неман лазурные воды уносит,
В бедной, бедной семье встретил он счастье свое.
В детстве я видел в комодке фату и туфельки мамы.
Мама! Молитва, любовь, верность и смерть — это ты!

(Январь 1927 – 3 марта 1928. Париже)

Дед поэта, перешедший из иудейской веры в христианство, отдал свою дочь на воспитание в польскую семью. Софья Яковлевна всю жизнь была ревностной католичкой и прививала сыну польско-католическую культуру. Третий человек, которому Ходасевич обязан жизнью, — это его няня Елена Кузина, выкормившая слабого ребенка вместо своего, умершего в воспитательном доме. Ее Ходасевич сделал героиней одного из своих «программных» стихотворений, возведя ее в ранг «няни Поэта» — символа России:

Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно все:
И материнство горькое свое,
И просто все, что дорого ей было.

.....

И вот Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.

В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык.

(«Не матерью, но тульской крестьянкой...», 12 февраля 1917, 2 марта 1922)

Любимому, драгоценному детству, первым впечатлениям жизни, детским занятиям танцами, театром, поэзией Ходасевич посвятил очерк «Младенчество». Мальчик всерьез занимался балетным искусством, поэтому изредка в его юношеских стихах проскальзывает тень бала:

Я шел по скользкому паркету,
Вдыхал искусственность духов,
Искал «ее». Вон ту? Вот эту?
Не знаю. Думал, что цветов!

Искал — ее. Хотел — желанья.
Ненужной ласки. Новизны.
Быть может — муки ожиданья?
Не знаю сам. То были сны.

Я так устал, все были близки
И так доступны. Я устал.
Мои желанья были низки?
Не знаю. Пусть. Ведь это — бал.

(«Бал», 9 ноября 1904)

Ходасевич обучался в Третьей московской гимназии, в благополучной гуманитарной атмосфере, среди учителей были поэты, примыкавшие к ранним символистам. После гимназии был Московский университет: сначала Ходасевич ошибся факультетом, поступил, вслед за братьями, на юридический, затем перешел на историко-филологический.

«Однако политические события того времени сделали университетскую работу невозможной, а впоследствии, когда университет вновь открылся, мне пришлось вскоре покинуть его, отчасти вследствие обстоятельств личной жизни, отчасти из-за болезни (туберкулез)», —

рассказывает поэт в «Автобиографии».

В 1905 Ходасевич женился на эксцентричной, необычайно красивой Марине Рындиной (этот брак просуществовал два года). Ей посвящено большинство стихотворений самого первого сборника Ходасевича — «Молодость», — который вышел в 1908: «...Это очень *слабая* книга, и мила она мне не литературно, а биографически», — отмечал поэт. Эти стихи — настоящая поэтическая «молодость»: трагическое отношение к миру, юношеская серьезность, любование печалью. Уже ощутима эстетическая легкость, чувствуется влияние Сологуба, Анненского и Брюсова, но рождается и самостоятельный художественный мир, который все глубже и глубже осваивается поэтом. Сборник распадается на два цикла: «В моей стране» и «Кузина». Стихотворение «Passivium» — свидетельство таланта двадцатидвухлетнего поэта:

Листвой, засыпаны ступени...
Луг потускнелый гладко скошен...
Бескрайним ветром в бездну вброшен,
День отлетел, как лист осенний.

Итак, лишь нитью, тонким стеблем,
Он к жизни был легко прицеплен!
В моей душе огонь затеплен,
Неугасим и неколеблем.

(27 мая 1907. Лудино)

После «Молодости» Ходасевич стал профессиональным литератором. Переводы, журналистская поденщина приносили мало денег, но давали практику и удовлетворение. Вообще газетная работа съедала большую часть времени, но ничего другого делать он не мог.

Второй сборник, вышедший в 1914, представляет читателям уже зрелого, чрезвычайно строгого к себе поэта, продолжателя пушкинской традиции. Название, взятое из стихотворения Пушкина «Домовому» («И от недружеского взора / Счастливый домик охрани!»), определяет одну из ведущих тем книги. Как бы противопоставляя новое

мироощущение трагизму «Молодости», поэт воспеваает «лары» (название второго цикла), домашний уют, обыденность, покойную и простую. Ко времени выхода сборника у Ходасевича сложилась семья с Анной Ивановной Гренцион, сестрой Г. Чулкова. Ей и посвящен «Счастливый домик».

Он подразделяется на три цикла: «Пленные шумы», «Лары» и «Звезда над пальмой». Поэт придавал большое значение второму, воспевающему

...радости любви простой,
Утехи нежных обольщений!
Вы величавей, вы священной
Величия души пустой...

И хочется упасть во прах,
И хочется молиться снова,
И новый мир создать в слезах,
Во всем — подобие былого.

(«Стансы» («Святыня меркнувшего дня...»), январь 1909)

В этом цикле сосредоточено светлое, мирное, домашнее начало сборника. Здесь поэт принимает мир таким, каков он есть.

Цикл «Пленные шумы» ближе более поздним стихам Ходасевича. В нем возникают новые лирические образы, иные миры, более глубокие и значимые для поэта:

Что жизнь? Театр, игра страстей, бряцанье шпаг на перекрестках,
Миганье ламп, игра теней, игра огней на тусклых блестках.
К чему рукоплескать шутам? Живи на берегу угрюмом.
Там, раковины приложив к ушам, внемли пленным шумам —
Проникни в отдаленный мир: глухой старик ворчит сердито,
Лады скрипит, шуршит весло, да вопли — с берегов Коцита.

(Душа («О, жизнь моя!..»), ноябрь 1908. Гиреево)

Впрочем, здесь инобытие предстает гораздо менее симпатичным, чем домашний мирок «Лар»: старик Харон и приток Стикса Коцит — античный Аид — не могут быть уютным обиталищем души поэта — Орфея. В стихотворении «Возвращение Орфея» (1910) возникают строки, загадывающие будущие темы:

Несчастен, кто несет Коцитов дар стенаний
На берега земных веселых рек!

(«Возвращение Орфея», 20 февраля 1910)

Многие стихи сборника (в основном в цикле «Звезда над пальмой») посвящены «царевне», Евгении Муратовой, в которую Ходасевич был влюблен в начале 1910-х.

«Счастливый домик», воспетый в сборнике, — призрак семейного счастья, которое испытал Ходасевич с Анной Гренцион и ее сыном Эдгаром. Вместе они пережили тяжелое время революций, голода, безденежья.

«Жили они трудно <...>, без жены Ходасевич бы не вытянул. Она добывала пайки, приносила их, рубила дровешки, топила печку, стирала, варила, мыла больного Владека... К тяжелому труду она его не допускала» (Н. Мандельштам. Вторая книга).

По словам заботливой, самоотверженной и наивной Анны Ивановны, революцию Ходасевич «принял с огромной радостью, он одним из первых вступил в союз поэтов и стал печататься в революционных газетах и журналах, за что многие из писателей на него шипели» (А. Ходасевич. Страницы воспоминаний).

Отклик на события 1917 звучит в первом стихотворении нового сборника, давшем ему название — «Путем зерна»:

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

После революции Ходасевич продолжал литературно-поденную деятельность: чтение лекций в студии Пролеткульта, работу в московских издательствах, в газетах. Между тем, независимо от жизненных и исторических перемен, его поэзия обретает собственный голос. Ущербный и трагический, «маленький человек» и Орфей одновременно — лирический герой его стихотворений. Продолжаются напряженные поиски иного, запредельного мира и переоценка этого с нездешней точки зрения. В центре этого сборника — тернистый путь души («сойдя во мрак, умрет — и оживет она»), ее поиски и ее видение этого мира оттуда, издалека. Во многих стихотворениях описывается момент отделения души от тела («Эпизод», «Вариация»). Отлетая, она видит худое, бледное, немощное тело хозяина со стороны. Это событие — отделение эфирного тела — судя по записям поэта, происходило с ним в действительности. Ощутимая поэтом близость смерти, которая как бы все время с ним, его уже не пугает, ибо за смертью он провидит иную жизнь:

Уж волосы седые на висках
Я прядью черной прикрываю,
И замирает сердце, как в тисках,
От лишнего стакана чаю.

Уж тяжелы мне долгие труды,
И не таят очарованья
Ни знаний слишком пряные плоды,
Ни женщин душные лобзанья.

С холодностью взираю я теперь
На скуку славы предстоящей...
Зато слова: цветок, ребенок, зверь —
Приходят на уста все чаще.

Рассеянно я слушаю порой
Поэтов праздные бряцанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастанье.

(«Стансы», 24–25 октября 1918)

Эти «старческие» стихи принадлежат тридцатидвухлетнему поэту. Он внимательно прислушивается к себе: уже начинается работа души, готовящейся к тому, чтобы вырваться из брэнной оболочки.

В сборнике «Путем зерна» еще много «домашних» образов («Обо всем в одних стихах не скажешь...», «Швея»), пока еще без резкого, трагического контраста сосуществующих с апокалипсическим космизмом.

В сборнике много белых стихов, написанных классическим ямбом, тематически обращенных к историческим событиям (Москва после восстания, день объявления войны). В стихотворении «Дом» описываются развалины дома (может быть, развалины «Счастливого домика»). Поэт отвечает на вопрос, почему он разрушен:

Законы, истины — преходят. Человеку
Ломать и строить — равная услада:
Он изобрел историю — он счастлив!
И с ужасом и с тайным сладострастьем
Следит безумец, как между минувшим
И будущим, подобно ясной влаге,
Сквозь пальцы уходящей, — непрерывно
Жизнь утекает. И трепещет сердце,
Как легкий флаг на мачте корабельной,
Между воспоминаньем и надеждой —
Сей памятью о будущем...

(«Дом», 2 июля 1919, 1920)

Так инстинктом разрушения, извечной тягой броситься в «желанную пучину» объясняет Ходасевич происшедшее со страной.

В 1920 Ходасевич покидает Москву, где провел годы своего детства и юности, и переезжает в Петроград. Горький обещал ему жилье и работу, здоровье поэта требует, по словам врачей, перемены места жительства. Действительно, Ходасевичу нашли службу в «Доме искусств», петроградская жизнь наладилась. В 1922 вышел компактно написанный четырехстопным пушкинским ямбом сборник «Тяжелая лира».

Петербургская культура начала века близка неоклассицизму Ходасевича; несмотря на «московское происхождение», он считается одним из создателей «петербургской поэтики». В центре филигранных стихотворений этого зрелого и самодостаточного сборника — Поэт, которого мучает «дар тайнослышанья тяжелый», — предчувствие будущей жизни. Множество стихотворений — о Душе, Психее, которой эта жизнь принадлежит («Так бывает почему-то...», «К Психее», «Душа», «Психея! Бедная моя!», «Искушение», «Когда б я долго жил на свете...» и др.). Теме освобождения души от пут земного тела посвящены и самые знаменитые «программные» стихи Ходасевича — «Элегия» («Деревья Кронверкского сада...», 1921) и «Баллада» («Сижу, освещаемый сверху...», 1921).

В некоторых стихотворениях рисуется страшная картина желаемого Апокалипсиса («День», «Горит звезда, дрожит эфир...»): ощущая окружающую действительность «тихим адом», душа жаждет «развоплощения» мира:

И с этого пойдет, начнется:
Раскачка, выворот, беда,
Звезда на землю оборвется,
И станет горькою вода.

Прервутся сны, что душу душат,
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром — лишнюю свечу.

(«Из окна», 11 августа 1921. Бельское Устье)

В сборнике ощутим тютчевский космизм и любование ослепительным блеском статического мироздания, только Ходасевичу этот пышный роскошный облик мира кажется косной оболочкой:

Горит звезда, дрожит эфир,
Таится ночь в пролеты арок.
Как не любить весь этот мир,
Невероятный Твой подарок?

Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне время и пространство,
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.

И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

(«Горит звезда, дрожит эфир...», 4 декабря 1921)

В сборнике «Тяжелая лира» — и знаменитое стихотворение, отмеченное Тыняновым: «...почти розановская записка, с бормочущими домашними рифмами, неожиданно короткая — как бы внезапное вторжение записной книжки в классную комнату высокой лирики»:

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —

Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.

(«Перешагни, перескочи...», весна 1921, 11 января 1922)

Это одно из самых ярких стихотворений в сборнике: затерянная в мире обыденного душа рвется на волю, в «родное, древнее жилье», и эта жажда ежеминутно терзает поэта, в самые незначительные, интимные моменты его жизни, такие как поиск затерявшихся предметов.

В 1922 Ходасевич эмигрировал. С новой женой, юной Ниной Берберовой, он отправился в Берлин, где выпустил Антологию еврейской поэзии в своих переводах и подготовил второе издание «Тяжелой лиры» (1923). В Германии он много пишет, печатается, посылает стихи в Россию Анне Ивановне. В конце 1923 Ходасевич и Берберова начали скитания по Европе: жили в Праге, Лондоне, Риме, Венеции, в Сорренто у Горького — и в конце концов в 1925 осели в Париже. В поисках заработка поэт сотрудничает в периодических изданиях («Дни», «Последние новости», «Воля России», «Современные записки»). Он становится постоянным сотрудником газеты «Возрождение», где ведет раздел «Литературная летопись» под псевдонимом «Гулливер». Там же Ходасевич публикует свои воспоминания и литературоведческие статьи, отрывки из литературной биографии «Державин», там опубликует и свой последний прижизненный сборник, не успевший выйти отдельной книгой — «Европейская ночь» (1927). Этот сборник вошел также в «Собрание стихов», вышедшее в 1927. Продолжая темы эсхатологической катастрофы мира и свободных странствий души, Ходасевич многие стихотворения посвящает тому, что примиряет его в какой-то степени с этим миром — с музыкой речи, звуками, чувствами, помогающими порождать стихи. Лирический герой «тяжелой лиры» — поэт-пророк, воздвигший себе памятник, и с достоинством описавший свое место в литературном процессе:

И, каждый стих гоня сквозь прозу,
Вывихивая каждую строку,
Привил-таки классическую розу
К советскому дичку.

(«Петербург», 12 декабря 1925. Chaville)

Хранитель языковых традиций прошлого столетия, сумевший пронести «классическую розу» сквозь «европейскую ночь», поэт считает поэтический язык божественным даром:

Жив Бог! Умен, а не заумен,
Хожу среди своих стихов,
Как непоблажливый игумен
Среди смиренных чернецов.
Пасу послушливое стадо
Я процветающим жезлом.
Ключи таинственного сада
Звенят на поясе моем.
Я — чающий и говорящий.
Заумно, может быть, поет
Лишь ангел, Богу предстоящий, —
Да Бога не узревший скот
Мычит заумно и ревет.
А я — не ангел осиянный,
Не лютый змей, не глупый бык.
Люблю из рода в род мне данный
Мой человеческий язык:
Его суровую свободу,
Его извилистый закон...

О, если б мой предсмертный стон
Облечь в отчетливую оду!

(«Жив Бог! Умен, а не заумен...», 4 февраля — 13 мая 1923. Saarow)

Эти библейско-тютчевские образы, гордая, статичная чеканность стиха призваны противопоставить красоту неоклассицизма Ходасевича зауми кубофутуристов. О красоте речи, блаженстве мира, создаваемого поэтом посредством слов, — стихотворение «Весенний лепет не разнежит...» и многие другие. Вместе с тем процесс рождения стиха болезнен и не приносит реальной выгоды — об этом рассказывается в печальном стихотворении о себе и отце: «Как игрок на неверную карту, / Ставит на слово, на звук — душу свою и судьбу...» («Дактили»). Самые последние стихи Ходасевича, созданные на одре болезни, тоже посвящены Слову («Не ямбом ли четырехстопным...», 1938).

Сборник «Европейская ночь» — последний аккорд лирики Ходасевича. Последним прибежищем, единственной родиной поэта оставался русский язык — пушкинский, классический язык прошлого столетия. В записных книжках поэта содержится пророческое высказывание об отношении к его творчеству:

«Даже те, кто понимает и ценит мои стихи, жалеют об архаичности языка их. Это недалеко видно. Мои стихи станут общим достоянием все равно только тогда, когда весь наш нынешний язык глубоко устареет, и разница между мной и Маяковским будет видна лишь тончайшему филологу. Боюсь, что и русский-то язык сделается тогда “мертвым”, как латынь, — и я всегда буду “для немногих”. И то, если меня откопают».

«Откапывание» сейчас только началось. По сей день не собрано наследие Ходасевича-переводчика. Почти все литераторы начала века в тот или иной период жизни зарабатывали переводами на хлеб, пожалуй, не найдется поэта Серебряного века, в чьем поэтическом багаже не было бы переводов с французского и английского. Ходасевич много переводил с польского, который был его вторым родным языком — стихотворения Слоньского, Красиньского, Мицкевича. Он же перевел исторический роман К. Тетмайера «Легенда Татр». По подстрочникам он также переводил с древнееврейского и новую еврейскую поэзию. Произведения Ходасевича, созданные в последнее десятилетие его жизни, — прозаические. Это биография Державина, написанная в 1931, сборник статей «О Пушкине» (1937) и мемуары «Некрополь» (1939). Прозаический дар Ходасевича — редкостный и пугающий, это типичный блестящий образец «петербургской поэтики»: едкая, желчная, остроумная, отточенная проза, балансирующая на грани реальности и анекдота, запоминающиеся навечно портреты, изящнейшие литературоведческие наблюдения. Этот дар пугал современников: любивший Ходасевича Горький жаловался, что тот «основным ремеслом своим сделал злое слово» (хотя Горький и хотел, чтобы именно Ходасевич написал о нем после смерти).

Литературоведческие работы Ходасевича еще далеко не все опубликованы (по крайней мере, у нас). Помимо обширной пушкинистики («Поэтическое хозяйство Пушкина», 1924; «О Пушкине», 1937 и т. д.) его перу принадлежат «Статьи о русской поэзии» (1922), посвященные творчеству Ростопчиной, Дельвига, Гоголя и современников Ходасевича — Анненского, Андрея Белого и др.

В 1932 Нина Берберова развелась с Ходасевичем. Их пути разошлись. Берберова хотела жить, осуществить себя, а миссия ее больного, изможденного мужа уже была завершена:

«...Мы оба держимся друг за друга, — но так ли уж крепко держимся мы за этот мир? Он, наверное, едва-едва: сквозь этот мир ему сквозил какой-то другой, полный бесконечного смысла, созданный им самим и его современниками, связанный с нашим миром зеркальный мир отражений, значений и реалиоры».

Но отношения Ходасевича и Нины Берберовой не прерывались до самой его смерти. В 1933 он женился на Ольге Марголиной, которая не могла заменить ему Нину, но самоотверженно ухаживала за поэтом, который в быту был как малое дитя. Ольга и Нина

посещали его в муниципальной больнице, где поэт скончался 14 июня 1939 после мучительной операции.